

Александр ОРЛОВ

"Если... не будете как дети..."

**Гуманистическая психология детства
и образовательная перспектива
для третьего тысячелетия**

Во второй половине XX в. человечество вступило в период глобальных проблем. Точнее, человек породил, сам создал эти глобальные проблемы. Теперь становится очевидно, что продолжение такого развития по старым рельсам неминуемо приведет мир к тотальной катастрофе: военной или экологической. Очевидно также, что выход нелепо искать в неких «преимуществах» более прогрессивных социальных систем: все они сегодня генерируют новые глобальные проблемы. Один из таких стереотипов — комплекс традиционных психолого-педагогических представлений об образовании и соотношении мира взрослых и мира детей, взрослости и детства.

Традиционная психология детства и ее принципы

С середины XIX в. и до настоящего времени психология детства (детская и педагогическая психология) основывается на идеях прогрессивной эволюции, сформулированных Ч.Дарвиным, Э.Геккелем, Г.Спенсером. Эти натурфилософские представления о единстве развивающегося мира, о его неуклонном и бесконечном развитии были полностью восприняты психологией детства. Мир человека виделся ей как единый и бесконечно прогрессирующий.

Согласно этим представлениям, мир человека эволюционирует благодаря деятельности взрослых, опыт которых является субстратом для развития детей. Таким образом, человек фактически уподобляется любому другому биологическому виду, в котором эволюционные изменения создают взрослые особи, тогда как детеныши — это скорее сырье, в котором материализуется, воплощается генетически закрепляющийся опыт взрослых. Единственное различие между эволюцией мира животных и человека виделось лишь в формах фиксации и передачи приобретенного опыта. Иначе говоря, мир человека — это мир взрослого человека. Мир детей — пусть важный, но все же «только элемент мира взрослых. Более того, мир взрослых формирует мир детей по своему образу и подобию.

В XIX и в первой половине XX в. эта традиционная схема не противоречила реальному положению дел. Ясно одно: сейчас нельзя учить и воспитывать детей так, как раньше. Необходимо пересмотреть, а затем и перестроить сами отношения между миром взрослых и миром детей.

Традиционные принципы этих отношений можно сформулировать следующим образом:

принцип субординации: мир детства — часть мира взрослых, часть, неравноценная целому и подчиненная ему; мир детства — несамостоятельный придаток мира взрослых,

его «обоз», его «склад заготовок», его «материал»;

принцип моногизма: мир детства — мир учеников и воспитанников, мир взрослых — мир учителей и воспитателей; мир детства — чистая потенция, лишенная своего собственного содержания; мир взрослых сущностен, тогда как мир детства лишь взрослеет, усваивая содержание мира взрослых и воспроизводя его;

принцип произвола: мир взрослых всегда жил по своим законам и всегда навязывал их миру детей; мир детства всегда был беззащитным по отношению к миру взрослых и лишь воспринимал его воздействия, но никогда не воздействовал на него;

принцип взросления: развитие мира детства всегда рассматривалось как **взросление**. Нарушения процесса взросления традиционно оценивались взрослыми как аномалии, а все виды и проявления инфантилизма — как следствия физических или психических заболеваний; напротив, нормальное взросление обычно связывалось с рождением так называемой полноценной, т.е. социально адаптированной, личности;

принцип инициации: во всех обществах всегда существовали границы между миром детства и миром взрослых и так называемые «процедуры инициации», т.е. перехода человека из одного мира в другой; это всегда сочеталось с глубоким и всесторонним иницированием проявлений взрослости;

принцип деформации: мир детства всегда так или иначе деформирован вторжением мира взрослых. Подлинная приро-

да, «чистая культура» мира детства взрослым фактически неизвестна, так как в любом из детских возрастов они видят только проявления взросления или отклонения от них (инфантилизм, невоспитанность, необразованность и т.п.).

Традиционные отношения между двумя мирами составляют, на мой взгляд, комплекс наиболее устойчивых стереотипов нашей цивилизации. Поэтому неудивительно, что развитие современной психологии детства как в России, так и за рубежом проходило под их мощным и плохо осознаваемым влиянием. Основные идеи, концепции, методы психологии детства как науки во многом оказались производными от традиционных принципов отношения между миром взрослых и миром детей. Свою основную задачу психология детства всегда видела в создании таких технологий образования и воспитания, которые обеспечивали бы ускоренное и оптимальное (с точки зрения взрослых) взросление детей. Традиционная психология детства — одно из наиболее изощренных орудий деформирования мира детства.

Ценности мира взрослых и глобальные проблемы

Мир взрослости — это мир, всегда стремившийся (и стремящийся поныне) к экономическому, политическому и интеллектуальному могуществу. Именно это порождает все глобальные проблемы: стремление к богатству вызывает безграничную эксплуатацию природы, безудержный и дисгармоничный рост промышленности и в итоге — экологические

проблемы. Стремление к власти ведет к гонке вооружений, схваткам за передел мира и расширение сфер влияния, к локальным и региональным войнам, а в итоге — к нависшей угрозе термоядерной войны. Стремление к интеллектуальному превосходству объективно обслуживает прежде сего экономику и политику, и так называемый «научно-технический прогресс» является сейчас катализатором угроз природе и всеобщему миру, создаваемых современной цивилизацией.

Есть ли выход из этого заколдованного круга, когда каждое новое поколение, обучаясь и воспитываясь в соответствии с ценностями взрослых, неуклонно и со всевозрастающим ускорением толкает цивилизацию на явно тупиковый путь развития?

Еще в начале XX в. этих проблем не существовало. Природа казалась неисчерпаемой, а планета — бессмертной. Всего за несколько десятилетий ситуация кардинально изменилась: на наших глазах туннель, по которому поезд цивилизации движется в будущее, становится шахтой, ведущей в небытие. Мир взрослого могущества бессилён решить свои проблемы. Единственный путь спасения — отказаться от господствующих подходов к ценностям традиционного отношения к миру детства.

Мир взрослости будет вынужден сделать это при двух основных условиях. Во-первых, он должен понять и осознать окончательно, что сам по себе, двигаясь по своим накатанным «рельсам», развиваясь исключительно по своей логике,

по своим законам, он неминуемо обречен. Во-вторых, он должен столь же отчетливо понять, что возможность выживания и спасения, возможность альтернативного развития всегда сопутствовала миру взрослых, оставаясь при этом незамеченной и непонятой, и что эта возможность — в мире детства.

Старая суфийская притча

О великом императоре Акбаре рассказывают, что в его дворце было девять мудрецов. Он был достаточно богат для того, чтобы содержать их. Их так и звали: Девять драгоценностей. Но незаметно было, чтобы он чему-нибудь научился у них, потому что обучение требует иных отношений: надо, чтобы учащийся сдался, преклонился. А как вы можете сдаться своему собственному слуге? Это почти невозможно. Вы можете приказывать ему, но не подчиняться.

Рассказывают, что однажды Акбар был очень разгневан, призвал к себе девятерых своих мудрецов и сказал им:

— Люди твердят о том, что вы величайшие мудрецы в мире, но вы здесь, а я не научился от вас ничему. В чем дело? Вы — здесь, а я все тот же.

С одним из мудрецов пришел ребенок, он очень хотел посмотреть на царский дворец. Мудрецы молчали, а он рассмеялся. Акбар возмутился и спросил:

— Почему ты смеешься? Это звучит оскорбительно во дворце. Разве твой отец не объяснял тебе, как надо вести себя в присутствии великого царя?

И ребенок ответил:

— Я смеюсь, потому что молчат эти девять мудрецов. И я знаю, почему они молчат. И я знаю, почему ты не в состоянии чему-либо научиться от них!

Акбар пристально взглянул в лицо ребенка, оно дышало чистотой детства и невинности, и в то же время оно было древнее времени. Когда ребенок еще совсем невинен, вы можете увидеть эту древность в его лице, ибо ребенок — не просто ребенок, он несет груз всех испытаний своих прошлых жизней.

И Акбар спросил его:

— Может быть, ты можешь научить меня чему-либо?

И ребенок спокойно ответил ему:

— Да!

И Акбар повелел:

— Что ж, тогда учи!

А ребенок на это ответил ему:

— Ладно, но прежде ты спустишься со своего трона, а я сяду на него. И тогда ты будешь спрашивать меня как ученик, а не как царь.

И говорят, что Акбар понял, понял, что девять мудрецов были не нужны. Он не мог ничему научиться от них не потому, то они не умели учить, а потому, что он не был готов, не был достаточно смиренным, оставался по отношению к ним царем.

И рассказывают, что Акбар и впрямь сошел с трона и сел на пол у ног ребенка, а тот сел на трон и сказал:

— Вот теперь спрашивай, но как ученик, а не как царь.

А Акбар так ничего и не спросил. Предание гласит, что он поблагодарил ребенка, преклонился к его ногам и молвил:

— Отпала теперь нужда в вопросах. Простым смиренным сидением у ног твоих я уже многому научился.

Новая психология детства

Слабый может спасти сильного, бедный — богатого, наивный — умного. Эта истина Нового Завета почти две тысячи лет игнорировалась миром взрослых из-за ее «чрезмерной

метафоричности». А между тем все Евангелие пронизано совершенно особым, уважительным и почтительным отношением к детям и детству. Только один пример: «...ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царствии Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царствии Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит. ...Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих...».

В XIX в. эту идею проповедовал Ф.М.Достоевский, открыто оспоровивший «счастье» мира взрослости, построенное на загубленной жизни ребенка. Особость, особенность мира детства он воспринимал обостренно: «Дети, пока дети, — говорит Иван Карамазов, — до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою породой».

В XX в. от Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого эта истина перешла к Я.Корчаку и А.Сент-Экзюпери, подлинным идеологам новой человечности. Они каким-то непостижимым образом, недоступным подавляющему большинству взрослых, воспринимали «чистую культуру» мира детства, позволяя ей быть такой, какая она есть, и вступали в диалог с ней. Я.Корчак всем своим творчеством утверждал «право ребенка быть тем, что он есть» и прямо обвинял традиционную психологию детства: «Исследователи решили, что человек зрелый руководствуется серьезными побуждениями, ребенок — импульсивен; взрослый логичен, ребенок — во власти прихоти воображения; у взрослого есть характер и определенный моральный облик, ребенок запутался в хаосе инстинктов и желаний. ребенка изучают не как отличающуюся, а как низшую, более слабую и бедную психическую организацию. Будто все взрослые — ученые профессора. А взрослый — это сплошной винегрет, захолустье взглядов и убеждений, психология стада, суеверие и привычки, легкомысленные поступки отцов и матерей, взрослая жизнь сплошь, от начала до конца, безответственна!».

Но, может быть, пришло время, когда эта «парадоксальная», эзотерично и эмоционально выраженная идеология наконец перестанет находиться в жесткой оппозиции к науке? Сейчас, на рубеже XXI в., функцию отдельных идеологов-гуманистов должна воспринять новая психология детства. Она призвана показать миру взрослости подлинное содержание и предназначение мира детства. Прежде всего должны быть пересмотрены принципы отношений между этими мирами. Одна из первостепенных задач новой, гуманистической психологии детства заключается в том, чтобы на языке научных фактов обосновать законность такого пересмотра.

Принципы новых отношений формулируются следующим образом:

принцип равенства: мир детства и мир взрослости — совершенно равноправные части мира человека, их «достоинства» и «недостатки» гармонично дополняют друг друга;

принцип диалогизма: мир детства обладает своим собственным содержанием, представляющим несомненную ценность и для мира взрослости, т.е. духовностью и нравственностью; взаимодействие двух миров должно строиться как диалогичный и целостный образовательный процесс, в котором обучение — это движение содержания мира взрослости

в мир детства, а воспитание, напротив, — движение содержания мира детства в мир взрослости;

принцип сосуществования: мир детства и мир взрослости должны поддерживать суверенитет друг друга и не навязывать друг другу своих ценностей и законов; любая акция одного из них не должна наносить ущерба другому. Мир взрослых принимает как закон: дети не должны страдать от действий взрослых, какими бы побуждениями эти действия ни мотивировались;

принцип свободы: мир взрослости исключает все виды контроля над миром детства, предоставив ему полную свободу выбирать свой собственный путь, каким бы он ни был, обеспечивая при этом условия сохранения жизни и здоровья детей;

принцип соразвития: развитие мира детства — это процесс, параллельный развитию мира взрослости; цель развития любого человека — прогрессирующая гармонизация внутреннего и внешнего Я, сущности и личности как психологических инстанций, представляющих во внутреннем мире человека мир детства и мир взрослости;

принцип единства: мир детства и мир взрослости не образуют двух разграниченных миров, но составляют единый мир людей; между этими мирами не должно быть какой бы то ни было (возрастной, конвенциональной и т.п.) границы, не перейдя которую, человек является ребенком, а перейдя — взрослым;

принцип принятия: особенности любого человека должны приниматься другими людьми такими, каковые они есть, безотносительно к любым внешним эталонам, нормам, параметрам и оценкам «взрослости» и «детскости».

Таким образом, новый взгляд на психологию детства состоит в преодолении традиционных стереотипов и выработке новой, гуманистической парадигмы, основанной на мире детства. Он состоит в создании новых, отвечающих этой пара-

дигме принципов, концепций и методов. Свою основную задачу гуманистическая психология детства видит не в разработке все более изощренных средств и способов ассимиляции мира детства с миром взрослости, а в создании психолого-педагогических условий для успешного приспособления мира взрослости к миру детства с целью их гармонизации.

Для этого психология детства должна доказать и показать с помощью научных фактов существование «чистой культуры» детства взрослости. Только так будут созданы условия для подлинного диалога двух миров: диалог с другим, а не с самим собой. Только так мир взрослости сможет получить качественно иное (пока ему глубоко чуждое) содержание, которое обогатит его. В результате такого подлинного диалога, содержательного взаимодействия двух миров «взрослые» и «дети» смогут стать в будущем совершенно непохожими на сегодняшних взрослых и детей.

Мир детства — разомкнутый в человечество и вечно обновляющийся мир природы. Дети — подлинные миротворцы будущего и терапевты настоящего. Мир взрослых болен, путь в будущее закрыт для него. У мира взрослых нет больше выбора: он перестанет существовать, если не сможет увидеть и принять мир детства в его самоценности. Только вместе с миром детства мир взрослости получит возможность войти в будущее, но уже как мир нового — в буквальном смысле слова — человека.

Александр Борисович ОРЛОВ — кандидат психологических наук, заместитель директора Исследовательского центра семьи и детства Российской академии образования

Статья иллюстрирована картинами Николаюса Чюрлениса.